

Предъ лицомъ Жизни.

... Предъ суровымъ лицомъ Жизни стояли двое людей, оба недовольные ею и на ея вопросъ: „чего вы ждете отъ меня?“—одинъ изъ нихъ усталымъ голосомъ сказалъ:

— Я возмущенъ жестокостью твоихъ противорѣчій; бессильно разумъ мой пытается понять смыслъ бытія и сумракомъ недоумѣнья предъ тобою душа моя полна. Мое самосознанье говоритъ мнѣ, что человѣкъ есть лучшее изъ всѣхъ твореній жизни и въ то же время я—несчастенъ... Почему?

— Чего ты хочешь отъ меня?—безстрастно спросила Жизнь.

— Счастья! Для счастья моего необходимо, чтобъ примирила ты два основныхъ противорѣчія души моей: мое—хочу, съ твоимъ—я долженъ!

— Желай того, что долженъ дѣлать для меня!—сказала Жизнь сурово.

— Я жертвою твоей быть не желаю!—воскликнулъ человѣкъ.—Я властелиномъ жизни быть хочу, а должеъ выю гнуть въ ярмѣ ея законовъ—для чего?

— Да вы говорите проще!—сказалъ другой, стоявшій ближе къ Жизни.

А первый продолжалъ, не удѣливъ вниманья словамъ товарища:

— Я хочу свободы жить въ гармоніи съ желаньями моими! Я не желаю быть для ближняго по чувству долгу ни братомъ, ни слугою,—а буду тѣмъ, чѣмъ захочу свободно—рабомъ или братомъ. Я не желаю въ обществѣ быть камнемъ, который общество владеть, куда и какъ захочетъ, устраивая тюрьмы благополучья своего. Я—человѣкъ, я—духъ и разумъ жизни, я—долженъ быть свободенъ...

— Пстой!—сказала Жизнь сурово усмѣхаясь.—Ты много говорилъ и все, что скажешь дальше,—мнѣ извѣстно. Ты хочешь быть свободнымъ? Что-же! Будь... Борись со мною, побѣди меня и будь мнѣ господиномъ, а я тогда—твоею рабою буду. Ты знаешь я—безстрастна и побѣдителямъ всегда легко сдавалась. Но—нужно побѣдить... Ты на борьбу со мной,—твоей свободы ради,—способенъ, да? Достаточно ты силенъ для побѣды и въ силу свою—вѣришь?

И человѣкъ сказалъ уныло:

— Ты вовлекла меня въ борьбу съ самимъ собой, ты наточила разумъ мой, какъ ножъ, а онъ вонзился мнѣ глубоко въ душу и раздвоилъ ее...

— Да вы съ ней строже говорите, не жалуйтесь,—сказалъ другой. А первый продолжалъ:

— Я отдохнуть хочу отъ гнета твоего. О, дай вкусить мнѣ счастья!..

Жизнь снова усмѣхнулась усмѣшкой, подобной блеску льда.

— Скажи, — когда ты говоришь о счастѣ, ты требуешь или милостыни просишь?

— Прошу, — какъ эхо, человекъ сказалъ.

— Ты просишь громко, какъ привычный нищій... Но, бѣдный мой, сказать тебѣ должна я, — Жизнь милостыни людямъ не даетъ... И, знаешь что? — свободный — онъ не проситъ, онъ самъ беретъ дары мои. А ты, ты — только рабъ своихъ желаній, не болѣе. Свободенъ только тотъ, въ чьемъ сердцѣ сила есть отъ всѣхъ своихъ желаній отказаться за тѣмъ, чтобы въ одно всего себя вложить... Ты понялъ? Отойди!..

Онъ понялъ и — улегся, какъ собака, у ногъ безстрастной Жизни, чтобы тихонько ловить куски съ ея стола, ея объѣдки...

Тогда бездѣтные глаза суровой Жизни взглянули на лицо другого человека. То было грубое, но доброе лицо.

— О чемъ ты просишь?

— Я не прошу, а требую!..

— Чего?

— Гдѣ справедливость? Дай ее сюда!.. Все остальное послѣ я возьму, пока нужна мнѣ только справедливость. Я долго ждалъ, я терпѣливо ждалъ, живя въ трудѣ, безъ отдыха, безъ свѣта. Я ждалъ; но — будетъ! — пора мнѣ жить! Гдѣ справедливостъ?..

И жизнь ему безстрастно отвѣчала:

— Возьми...

М. Горькій.